

83,3(2 РОС = РУС)

Р89

РУССКАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
о произведенияхъ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

— ЧАСТЬ ПЯТАЯ. —

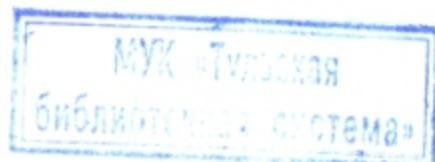
СОБРАЛЬ

В. Зелинский.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собств. домъ.
1911.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Критика шестидесятыхъ годовъ.

„Война и Миръ“.

Критические статьи 1869 года:

М. Драгомирова. „ <i>Война и Миръ</i> “ съ военной точки зрения“	1
Изъ „Сѣверной Пчелы“. „1812-й годъ въ <i>Войнѣ и Мирѣ</i> “	29
Изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. „Герои отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому“	30
Изъ „Сына Отечества“. „Новые книги“. Статья А. Х.	66
Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. „Новые книги. <i>Война и Миръ</i> , соч. гр. Л. Н. Толстого, т. V“. Статья Z. (В. Буренина)	82
Изъ „Голоса“. „Библіографія“. Статья Ю-ова	97
Изъ „Сѣверной Пчелы“. „ <i>Война и Миръ</i> (по поводу романа гр. Л. Н. Толстого)“ Статья Н. С-ва	108
Н. Ахшарумова. „ <i>Война и Миръ</i> , сочиненіе гр. Толстого, томъ V“	116
Изъ „Всеобщей Газеты“. „ <i>Война и Миръ</i> “. Статья Книжника	135
Изъ „Русскаго Инвалида“. „Библіографическая замѣтка. <i>Война и Миръ</i> , V томъ“	141
Г. Данилевскаго. „Историки-очевидцы“	143
Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. „Журналистика“. Статья Z. (В. Буренина)	146
Изъ „Голоса“. „Московская жизнь“. Статья С. II.	148
Изъ „Новороссийскаго Телеграфа“. „ <i>Война и Миръ</i> , томъ шестой“. Статья А. Вощинникова	149
Изъ „Голоса“. „Библіографія. <i>Война и Миръ</i> . Соч. гр. Л. Н. Толстого, т. VI“	156

Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ „Война изъ-за <i>Войны и Мира</i> “. Статья Де-Пуле.....	167
Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. „Журнали- стика“. Статья Z. (В. Буренина).....	175
Изъ „Петербургской Газеты“. „Послѣднее слово о <i>Войне и Мирѣ</i> “. Статья П. П.	176
Н. Страхова. Отрывокъ изъ обширной статьи его, напечатанной въ „Зарѣ“.....	178

Критика семидесятихъ годовъ.

Критическія статьи 1870 года:

Изъ „Новороссийского Телеграфа“. „ <i>Война и Миръ</i> . Соч. гр. Л. Н. Толстого. Томъ шестой“. Статья А. Воцциникова.....	189
Изъ „Петербургской Газеты“. „Шестой томъ ро- мана <i>Война и Миръ</i> , соч. гр. Л. Н. Толсто- го“. Статья II	209
Изъ „Русского Инвалида“. „ <i>Война и Миръ</i> , т. VI. Сочиненіе гр. Толстого“. Статья ***....	214
Изъ „Сына Отечества“. Новые книги*. Статья ъ-ъ. 218	
Изъ „Военного Сборника“. „Военные сцены изъ ро- мана <i>Война и Миръ</i> , графа Толстого, т. VI“. 223	
Изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. „ <i>Война и Миръ</i> . Сочиненіе гр. Л. Н. Толстого. Томъ шестой“. Москва 1869 года.....	237

Алфавитный указатель писателей, полководцевъ, иѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, литературныхъ произведеній и на- званий газетъ и журналовъ, встрѣчающихся на страницахъ пятой части „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“.....	244
---	-----

КРИТИКА ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВЪ.

„Война и Миръ“.

*) Авторъ „Войны и Мира“ не ограничивается однимъ изображеніемъ военныхъ сцень и военныхъ типовъ, но вдается и въ теоретическія разсужденія по поводу такихъ, напр., вопросовъ: возможна ли какая-нибудь теорія въ военномъ искусствѣ? Какое значеніе главнокомандующаго въ арміи? Какія причины вызвали міровое движение 1812 года? Рѣшенія на эти вопросы даются иногда онъ самъ, иногда герой его романа, кн. Андрей. Въ разборѣ мы будемъ относительно этихъ вопросовъ памъ придется и бесконечно повторяться, такъ какъ одна и та же мысль повторяется иногда по-разному разъ и въ сочиненіи, только въ измѣненной формѣ.

Хотя во взглядахъ кн. Андрея и автора есть много общаго, но отдѣлить эти взгляды необходимо, по той причинѣ, что кн. Андрей, и по своимъ личнымъ свойствамъ, и по времени, въ которое жилъ, не могъ смотрѣть на избѣжавшія венцы иначе, какъ заставлять его авторъ смотрѣть на нихъ. При томъ же авторъ —живописецъ; кн. Андрей мечтать быть практическимъ дѣятелемъ; вслѣдствіе этого одностороннія разсужденія того и другого объясняются различными причинами совершиенно различными, что при разборѣ

*) „Оружейный Сборникъ“ 1869 г., № 1. Статья М. Драгомирова, подъ заглавіемъ: „Война и Миръ“ съ военной точки зрѣнія“.

необходимо принимать въ расчетъ. То, что въ кн. Андреѣ ярляется слѣдствіемъ жизненныхъ неудачъ, въ авторѣ есть не болѣе какъ увлеченіе, неизбѣжное въ художникѣ, когда онъ выходитъ изъ сферы творчества, свойственной его таланту.

Кн. Андрей принадлежитъ къ числу тѣхъ, нерѣдко встрѣчаемыхъ характеровъ, которые, по странному капризу природы, предстаютъ сединеніе громадныхъ претензій съ недостаткомъ силъ для ихъ удовлетворенія. Гр. Толстой воспроизвелъ этотъ типъ художественно вѣрно; несмотря на всю свою симпатію къ кн. Андрею, онъ выставилъ этого послѣдняго опровергнувъ, решивъ вопросы, иногда очень сложные, съ плеча, способными отъ природы, но пустыми въ практическомъ смыслѣ—*capable de tout et propre à rien* *), какъ говорятъ французы. Не польстиль авторъ своему герою, но распорядился какъ истинный художникъ: взять извѣстныя данныя характера, онъ безпощадно до конца развила всѣ ихъ послѣдствія. Просимъ припомнить появление кн. Андрея на сцену: въ сѣйтѣ онъ шурится, едва отѣбываетъ, еѣхъ и вся третируетъ съ высоты своего величія; передъ вами человѣкъ, который изо всѣхъ силь бьется, чтобы *не быть*, а *казаться*, который играетъ роль, который не есть сила, а только претензія на силу. Замѣтить пустоту сферы, къ которой принадлежала, кн. Андрей уже и это вмѣнилъ себѣ въ особенную заслугу: иначе онъ бы не рисовался такъ своимъ презрѣніемъ, не старался бы съ такой аффектацией его проявлять.

Открывается война 1805 года: кн. Андрей, не стѣсняясь, пользуется привилегіями той среды, которую, повидимому, такъ презираетъ, и поступаетъ адъютантомъ къ Кутузову, съ мечтою обрѣсти на полѣ сраженія свой „Тулонъ“, т.-е. попасть въ Наполеона. А въ ожиданіи Тулона, кн. Андрей, сдѣларшивъ адъютантомъ, весьма легко и скоро усваиваетъ себѣ права передней главнокомандующихъ, примѣняя къ дѣлу „неписанную“ субординацію не хуже любого Жеркова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ личность, по своему собственному

*.) Ко всему способнымъ, ни на что негоднымъ. См. „Оруж. Сборникъ 1868 г. № 4.“

убѣжденію высокоодаренная, онъ считаетъ для себя лишнимъ то тяжелое, трудовое пребываніе въ подмастерьяхъ, которое одно дѣлаетъ мастеромъ: онъ не видавши ни разу войны лицомъ къ лицу, является на нее съ готовыми и законченными военными взглядами.

Прочитавъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ полдесятка Фулей подъ разными заглавіями и фамиліями, онъ вообразилъ, что знаетъ до такой степени глубоко военное дѣло, что, выйдя на практику, можетъ только другихъ учить, но самому ему учиться нечemu.

По счастливой случайности, онъ попадаетъ въ завидноѣ положеніе: получаетъ возможность наблюдать шагъ за шагомъ работу такихъ учениковъ суворовской школы, какъ Кутузовъ, Багратіонъ. Кажется чего лучше? Присматриваися, размышляй, и вводи въ свои теоретические взгляды тѣ поправки, которые даетъ высшая изъ книгъ — книга жизни. Не тутъ то было: какъ неисправимый доктринеръ, онъ не можетъ допустить мысли, что *онъ* ошибается; нѣть, скорѣе лжетъ жизнь.

И вотъ онъ удивляется *ничегонедѣланью* Багратіона, собирается заявить свой планъ Аустерлицкаго сраженія на военномъ совѣтѣ, въ который попасть не по праву, а по личнымъ отношеніямъ къ Кутузову. А факты, между тѣмъ, развиваются своимъ чередомъ, обнаруживая несостоятельность и военныхъ взглядовъ и претензій кн. Андрея. Ничего нѣть удивительного послѣ этого, что онъ, убѣдившись изъ горькаго опыта, какъ трудно съ одного скачка попасть въ Наполеоны, начинаетъ проповѣдывать, что и Наполеонъ—вздоръ, и дѣло, которымъ этотъ послѣдній такъ гениально орудовалъ,—тоже вздоръ.

Иначе и быть не могло: кн. Андрей до такой степени вѣровалъ въ свои таланты и непогрѣшимость, что, извѣдавъ несостоятельность *своей* теоріи, неминуемо долженъ былъ прийти къ выводу, что и не можетъ быть никакой теоріи въ военномъ дѣлѣ. Искать, двадцать разъ падать и двадцать разъ подниматься, проходя черезъ всю муку сомнѣній и разочарованій,—было не въ натурѣ кн. Андрея.

Богъ знает почему, онъ воображалъ, что ему все должно легко даваться. Самъ онъ говорить, хоть и по другому поводу, что *онъ прощать не способенъ*; какъ же ему было простить теоріи военного искусства? Вѣдь, онъ такъ жестоко на ней осѣкся...

Жаль его: человѣкъ честный, до извѣстной степени; пожалуй, даже способный и съ характеромъ; но практически пустой. Ищетъ онъ своего призванія вездѣ; но нигдѣ его не находить, нигдѣ, такъ сказать, корней пустить не можетъ; однимъ словомъ — маленький великий человѣкъ, ко всему способный, ни на что негодный.

Правда, онъ быть живымъ упрекомъ Кутузову въ Бухарестѣ по своей дѣятельности, и сдѣлалъ много практическихъ нововведеній у себя въ деревнѣ; но авторъ *разсказываетъ это отъ себя*, не обрисовывая своего героя въ сказанныхъ двухъ положеніяхъ *ни одной сценой*.

По нашему мнѣнію, это признакъ большого художественнаго такта со стороны автора: сцены, въ которыхъ кн. Андрей явился бы плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, были бы диссонансомъ въ общемъ обликѣ этого характера: авторъ отъ нихъ и воздержался.

Позволяемъ себѣ думать, что въ этой характеристикѣ кн. Андрея мы ничего не навязали ему отъ себя; факты взяты изъ творенія гр. Толстого; намъ принадлежитъ только освѣщеніе тѣхъ сторонъ ихъ, которые авторъ оставилъ въ тѣни, изъ чувства совершенно понятной симпатіи къ своему герою.

Послѣ всего сказанного станетъ понятно, почему кн. Андрей относился къ дѣлу, въ которомъ ему не повезло, съ предвзятою, хотя, можетъ быть, и незавѣдомою для него, т. - е. совершенно искреннею, односторонностью. Онъ долженъ былъ: или признать возможность искусства въ военномъ дѣлѣ и свое въ немъ неискусство, или же оставаться при вѣрѣ въ свои великія способности, и тогда отрицать возможность военного искусства и военного генія. Онъ выбралъ, конечно, послѣднее. Это подтверждается вполнѣ двумя мѣстами IV части „Войны и Мира“, въ которыхъ кн.

Андрей высказывает свои военные взгляды. Первое изъ нихъ—размышление кн. Андрея по поводу военного совѣта, имѣвшаго слѣдствіемъ оставленіе Дрисскаго лагеря; второе—разговоръ его съ гр. Пьеромъ на Бородинскомъ полѣ... Цалѣе слѣдуетъ выписка изъ романа, начинающаяся словами: „Пренія продолжались долго, и чѣмъ дольше они продолжались, тѣмъ больше разгорались споры...“ Выписка кончается словами: „И только въ этихъ рядахъ можно служить съувѣренностью, что ты полезенъ!“).

„Не трудно видѣть, что эта тирада не имѣть собствен-но никакого отношенія къ Дрисскому военному совѣту, а есть плодъ болѣзненно-желчнаго настроенія, охватившаго кн. Андрея послѣ неудачной попытки попасть въ Наполеоны, и съ тѣхъ порь его не покидавшаго. Дѣйствительно; если неурядица этого военного совѣта и могла привести безпристрастнаго человѣка къ какому-либо заключенію, то развѣ къ тому, которое о совѣтахъ высказано еще Евгениемъ Савойскимъ: „лучшее средство ни на что не рѣши-тъся—это спросить мнѣніе у военнаго совѣта *). Поэтому-то военные люди, понимающіе, какъ дѣла дѣлаются, собираются совѣты не за тѣмъ, чтобы получить отъ нихъ рѣшѣніе, а напротивъ — затѣмъ, чтобы вдохнуть въ нихъ свою собственную рѣшимость. Таковъ бытъ совѣтъ Кутузова въ Филяхъ, Наполеона послѣ Асперской неудачи, Фридриха переть Лейтенескимъ сраженiemъ. Всакому известно, что въ собраніи сколько головъ, столько и умовъ: нечего, слѣдовательно, и ожидать отъ собранія постановки какой-нибудь однай мысли или цѣли: это принадлежность единичной головы; собраніе, въ свою очередь, получивъ мысль, разрабатываетъ подробности ея осуществленія и разноситъ ее по всему военному организму. Дрисскому совѣту предоставлена была роль, совѣту несвойственная, и будь онъ составленъ не изъ Армфельдовъ, Фулей и проч., а хоть изъ Наполеоновъ,—онъ ни къ чему иному не привель бы, кроме пустыхъ, бесплодныхъ споровъ и пререканій.

*) Un général, ayant envie de ne rien entreprendre, n'a qu'à tenir conseil de guerre.

Военное искусство тутъ ни при чёмъ. Князю же Андрею кажется, будто неурядица этого совѣта служить подтверждениемъ того, что нѣть и не можетъ быть ни науки, ни теоріи въ военномъ дѣлѣ, ни, наконецъ, военного генія *): не очевидно ли, что дѣло тутъ не въ совѣтѣ, не въ томъ либо другомъ фазисѣ военного дѣла, а въ томъ только, чтобы лишній разъ сказать себѣ, что нѣть ни военного искусства ни военного генія? Развитіе рѣчи вполнѣ подтверждается это: чтобы увѣрить себя въ несуществованіи противной теоріи военного искусства, кн. Андрей опирается, между прочимъ, и на то даже, что у всякоаго изъ присутствовавшихъ былъ свой особенный планъ на одно и то же дѣло: неужели же ему была недоступна та простая и осознательная мысль, что къ каждой практической цѣли ведуть тысячи путей, и что дѣло въ томъ, чтобы дойти до нея, а не въ томъ, чтобы дойти непремѣнно извѣстнымъ путемъ? Вѣдь, и въ математикѣ одно уравненіе со многими неизвѣстными получаетъ безчисленное множество решений; вѣдь, и математика не даетъ правильъ на то, какъ составлять изъ вопроса уравненіе; но слѣдуетъ ли изъ этого, что теорія математики не имѣть положительного значенія?

Смѣшавъ понятія о наукѣ и о теоріи, кн. Андрей силится доказать, что въ военномъ дѣлѣ нѣть ни науки, ни теоріи, и, *следовательно* (!), не можетъ быть военного генія: опять выводъ, показывающій одно, что кн. Андрей быть неспособенъ что бы то ни было разобрать послѣдовательно и безъ логическихъ скачковъ. Во-первыхъ, наука и теорія вовсе не одно и то же **), ибо теорія возможна и необходима во всякомъ искусствѣ; наука же въ немъ немыслима. Во-вторыхъ, чѣмъ труднѣе какое-либо дѣло, тѣмъ рѣже возможны мастера въ немъ, и чѣмъ болѣе они принадлежать къ категоріи тѣхъ исключительныхъ личностей, которыхъ называютъ геніями.

*) Мы думаемъ наоборотъ, что неурядица Дрисского военного совѣта лучше всего показываетъ значение теоріи военного дѣла, ибо, зная ее, не забыли бы и того, чего можно ожидать отъ военного совѣта и чего нельзя.

**) Въ томъ смыслѣ, что всякая наука есть теорія; но не всякая теорія можетъ быть наукой.

Разовьемъ оба эти положенія:

Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать, будто можетъ быть *военная наука*; она немыслима точно такъ же, какъ немыслимы науки: поэзіи, живописи, музыки; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было теорій военного искусства, точно такъ же, какъ она существуетъ во всякомъ мирномъ искусствѣ. Теорія въ этихъ послѣднихъ искусствахъ не дѣлаетъ Рафаѣль, Бетховеновъ, Гёте; но она даетъ имъ технику дѣла, безъ которой они никогда не могли бы подняться на ту высоту, которой достигли. Теорія военного дѣла не претендуетъ готовить не только Наполеоновъ, но даже и Тимохинныхъ; но она утверждаетъ въ знаніи свойствъ войскъ и мѣстности; она указываетъ на образцы творчества въ военной области, и, слѣдовательно, облегчаетъ путь тѣмъ, кто отъ природы одаренъ военными способностями.

Если прибавить къ этому, что она со всею искренностью признаетъ свое бессиліе изслѣдоватъ третью и самую страшную данную въ военномъ дѣлѣ—данную случайностей; что она признаетъ свою немощь указать споровки управленія себѣ подобными,—то и окажется, что теорія военного искусства имѣть весьма неподъемное значеніе, но вмѣсть съ тѣмъ не даетъ человѣку успокониться на мысли, будто онъ знаетъ *все* дѣло, узнавъ только *часть* его *). Рецептовъ на то, какъ создать Аустерлицы, Фридланды, Ваграмы, швейцарскіе походы 99 года, Кениггрецы,—теорія военного дѣла не даетъ; но она представляеть эти великие образцы военного творчества для изученія военному человѣку, подобно тому какъ живописецъ, музыкантъ, поэтъ изучаютъ великие образцы, каждый въ своей специальности: не для того, чтобы имъ буквально подражать, но для того, чтобы проникаться ихъ духомъ.

Скажутъ, можетъ быть, что это современный взглядъ, и потому кн. Андрей не могъ прийти къ нему; иѣть: этотъ взглядъ во всѣ эпохи составлять принадлежность всѣхъ тѣхъ

*) Какъ то случилось съ изучавшими „научныя“ теоріи военного дѣла, появившіяся въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

людей, которые не только дѣлали войну, но и думали о ней.

Завириались въ теоріи, именно потому, что весьма рѣдкіе изъ теоретиковъ войну видѣли; но кн. Андрей видѣлъ ее: и если онъ пришелъ къ такимъ страннымъ выводамъ, то это могло произойти только отъ одного: онъ слишкомъ былъ поверхностенъ, чтобы здраво судить о войнѣ. Съ его стороны, для здравыхъ выводовъ, не требовалось даже особенной теоретической силы, оригинальности ума, а только знакомство съ тѣмъ, что писали о войнѣ такие люди, какъ маршалъ Саксонскій, Ллойдъ, Фридрихъ В. Но кн. Андрей, какъ дилетантъ, вѣроятно, не любилъ заглядывать въ старыя книги, а предпочиталъ черпать свою мудрость изъ модныхъ, современныхъ ему произведеній.

Чѣмъ дальше развивается размыщеніе кн. Андрея надъ темой, составлявшей, такъ сказать, болѣе мѣсто его натуры, тѣмъ онъ болѣе раздражается; дойдя до личнаго вопроса въ этой темѣ (можетъ или не можетъ быть военный гений), онъ просто переходить въ брань: военную геніальность сочинили подлецы, которые льстятъ власти! Опять доказательство, что тутъ дѣло шло о томъ только, чтобы позабавить личную свою раздражительность, а вовсе не о томъ, чтобы получить вѣрный выводъ. Ему даже и то въ голову не пришло, что полководцевъ были тысячи, а геніальность признана только за восемью или девятью изъ нихъ. И до чего можетъ доходить аберрація ума при подобномъ внутреннемъ состояніи, кн. Андрей доказываетъ великоглѣдно: вся та страшно трудная обстановка всякаго военнаго предпріятія, которую можетъ уяснить себѣ и выйти изъ нея побѣдителемъ только человѣкъ дѣйствительно изъ ряда вонъ выходящій, кажется кн. Андрею, напротивъ, аргументомъ въ пользу того, что военная геніальность немыслима! „Развѣ гений“, восклицаетъ онъ, „и тотъ человѣкъ, который во время умѣеть велѣть подвезти сухари и ити тому направо, тому нальво?!“ Какъ же какъ не гениемъ, спросимъ мы, назвать его, если за всю историческую жизнь человѣчества можемъ насчитать всего восемь-девять человѣкъ, ко-

торые были способны въ совершенствѣ дѣлать эту столь простую для кн. Андрея вещь; которые, имѣя дѣло съ такой силой, что сегодня 5 т. стоять 20 т., а завтра тѣ же 5 т. не будуть стоить и 200 человѣкъ, умѣли устроить такъ, что ихъ 5 т., если не всегда, то въ большей части случаевъ стоили 20-ти т. непріятельскихъ?

Трудность не въ томъ, чтобы *велѣть* подвезти сухари, а въ томъ, чтобы *предвидѣть*, куда ихъ подвезти; не въ томъ, чтобы итти тому направо, тому налево, а чтобы разгадать, *почему* это нужно сдѣлать такъ, а не иначе, и разгадать при какой обстановкѣ? Именно подъ вліяніемъ „тѣхъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ”—это признаетъ самъ же кн. Андрей. И все это дѣлается не навѣрняка, а основываясь на гипотезахъ, выведенныхъ часто изъ самыхъ противорѣчивыхъ и неопределенныхъ данныхъ; нужно, следовательно, обладать даромъ прозрѣнія, чтобы не попасть въ самый позорный просакъ; нужно имѣть, наконецъ, настолько воли, чтобы рѣшаться быстро на распоряженія; а между тѣмъ отъ нихъ зависитъ судьба сотенъ тысячъ головъ, иногда государства, и собственная будущность распорядителя. А въ это время къ нему всякий лѣзеть: кто съ претензіей, кто съ докладомъ, кто съ пріятнымъ донесеніемъ, что по новымъ извѣстіямъ все то, на чёмъ онъ основалъ свои распоряженія, оказывается вздоромъ.

Принявъ только это въ расчетъ, не трудно видѣть, что плавать—не говоримъ хорошо, а хоть какъ-нибудь въ этомъ морѣ путаницы, безтолковицы, суety, интригъ, противорѣчій,—могутъ только люди далеко недюжинные.

Князь Андрей какъ будто и самъ почувствовалъ, что, начавъ съ этого конца, пожалуй, докажешь обратное тому, что хочется доказать, и вслѣдствіе этого перемѣняешь дикцію, обращаясь къ разбору личныхъ качествъ лучшихъ генераловъ, ему извѣстныхъ. Выходитъ у него, что все это—глупые или разсѣянные люди.

Уловка, къ которой кн. Андрей прибегаетъ, чтобы убѣ-

дить себя въ этомъ и тѣмъ потѣшить свое уязвленное самолюбіе, до наивности простодушина; онъ ставить въ вину генераламъ недостатокъ не тѣхъ качествъ, которыя имъ необходимы, а тѣхъ, которыя совершенно излишни! Начинаетъ онъ съ указанія на Багратіона, забывъ даже, что въ обыденной жизни можно быть глупѣемъ послѣдняго свѣтскаго фата, а въ своей специальности стоять весьма высоко; забывъ даже, какъ самъ онъ былъ неодолимо увлеченъ въ атаку этимъ „глупымъ“ человѣкомъ: увлеченъ такъ, какъ ему, умнику, увлекать не приходилось. Но кн. Андрей не останавливается на Багратіонѣ: ему и „Наполеонъ—въ родѣ бородавки“. „А самъ Бонапарте!“ размышилья онъ: „я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ“. Послѣ горькихъ уроковъ кн. Андрей остался, должно быть, очень молодымъ, если считать возможнымъ дѣлать оцѣнку геніальности или ограниченности по выражению лица человѣка, котораго онъ видѣлъ въ горячечномъ бреду, мимолетомъ, только разъ въ жизни и не сказалъ ни одного слова съ тѣмъ человѣкомъ...

Подобной оцѣнки можно было бы ожидать развѣ только отъ институтки, которая, влюбившись по портрету въ какого-либо героя, теряетъ къ нему не только симпатію, но и даже уваженіе, увидавъ неказистую его наружность въ натурѣ. Людямъ, подобнымъ кн. Андрею, герой не иначе рисуются, какъ въ живописной позѣ, съ глазами, устремленными въ небо, съ печатью вдохновенія на челѣ. Для нихъ внѣшность—все; и если она не презентабельна—конечно.

„Не только генія и какихъ-нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но, напротивъ, ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ и лучшихъ человѣческихъ качествъ—любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытлива-го сомнѣнія“. А воля, увлекающая сотни тысячъ людей и внушающая имъ безграничную, собачью преданность къ такому же, какъ и они, человѣку? А умъ, способный воспринимать всѣ впечатлѣнія съ такой изумительной вѣрностью, что по отдельнымъ, разрозненнымъ намекамъ онъ способенъ отгадать намѣренія противника, иногда во всемъ

ихъ объемъ? Для всякаго рода гениальности требуется сильное развитіе одной какой-либо или ибесколькоихъ, но далеко не всѣхъ сторонъ души человѣческой. Съ точки зрѣнія князя Андрея, можно вообще отрицать существованіе гениальности. Дѣйствительно: возьмемъ, наприм., гениального поэта, который умѣеть любить, иѣженъ до крайности и способенъ пытливо сомнѣваться; о немъ можно также сказать: что же это за гений? У него иѣть даже настолько воли, чтобы не подчиниться своему лакею или ключницѣ; а воображеніе до того береть у него перевѣсь надъ умомъ, что онъ на каждомъ шагу дѣлаетъ себѣ изъ муки слона. Такимъ путемъ можно отрицать, что угодно; скажутъ вамъ: какая талантливая танцовщица! Помилуйте, возразите вы: да она ни одной ноты вамъ не возьметъ!—Какой великий музыкантъ!—Нисколько не великій: онъ во всю жизнь не только не написалъ ни одной картины, но даже кисти не умѣеть взять въ руки! Способный дѣлать подобные приговоры, конечно, будетъ правъ, ибо фактъ можетъ быть дѣйствительно вѣренъ: танцовщица можетъ не имѣть понятія о пѣніи, музыкантъ о живописи. Но составляеть ли это недостатокъ для той специальности, въ которой они сильны? Вотъ въ чёмъ вопросъ; къ сожалѣнію, для людей, разсужденіающихъ подобно кн. Андрею, этотъ вопросъ останется навсегда непостижимымъ.

„Заслуга въ военному дѣлѣ зависить не отъ нихъ (полководцевъ), а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричить: пропали! или закричть: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!“

Велѣдствіе этого послѣдняго вывода кн. Андрей рѣшается взять полкъ въ арміи, хотя и командиръ полка едва ли много подѣлаетъ съ любовью, поэзіей, иѣжностью и философскимъ пытливымъ сомнѣніемъ.

Кн. Андрей совершенно правъ, утверждая, что въ послѣдней инстанціи успѣхъ или неудача въ военному дѣлѣ зависитъ отъ солдатскаго ура! или: пропали! И что иногда 5 т. стоять 30, какъ подъ Голлабрюномъ, а иногда 50 т. бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ; но въ этомъ слу-

часть, какъ и въ другихъ, онъ говоритьъ, да не договариваетъ; и не договариваетъ именно настолько, сколько ему нужно для того, чтобы получить не тотъ выводъ, который слѣдуетъ по природѣ дѣла, а тотъ, который получить желательно.

Отчего-же происходитъ, что въ однихъ войскахъ чаще случается ура! а въ другихъ—пропали? Вѣдь, если бы это была чистая случайность, ей не было бы резона повторяться чаще въ одной, нежели въ другой арміи? Отвѣтъ на это одинъ: „ура“ и „пропали“ зависятъ отъ умѣнья или неумѣнья начальника поднять нравственный уровень своихъ войскъ до той степени, на которой они являются менѣе подверженными вліянію неожиданностей. Отчего у Суворова *никогда* не бѣгали, у Багратіона подъ Голлабрюномъ тоже не побѣжали, а подъ Аустерлицемъ побѣжали? Слѣдовательно „ура“ и „пропали“ являются вовсе не такою случайностью, какъ то кажется кн. Андрею. У начальника, владѣющаго даромъ поддерживать нравственное настроение войскъ на извѣстной высотѣ, „пропали“ станутъ если не совершенно немыслимо, то во всякомъ случаѣ весьма рѣдкою случайностью. Все это фактъ неопровергимый и очевидный для всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Еще древніе подмѣтили эту зависимость настроения массы отъ способностей *одного*, выразивъ ее чрезвычайно мѣтко поговоркой: *лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая бараномъ*. И что это такъ, кн. Андрей видѣлъ, подъ Голлабрюномъ, или, по крайней мѣрѣ, могъ бы видѣть, если бы добивался правды, а не разсуждалъ бы только изъ-за желанія убѣдить себя въ томъ, что болѣе пріятно его самолюбію.

Въ своемъ разговорѣ съ Пьеромъ кн. Андреѣ продолжаетъ развивать ту же теорію, что дѣло зависитъ только отъ тѣхъ, которые стрѣляютъ и колютъ, а никакъ не отъ тѣхъ, которые назначаютъ первымъ куда стрѣлять и кого колоть... „Тѣ, съ кѣмъ ты Ѵздишь по позиції“, говорить онъ Пьеру, „не только не содѣствуютъ общему ходу дѣла, но мѣшаютъ ему“.

Пьеръ Ѵздишь по позиції съ Бенигсеномъ и его свитою,

и тутъ кн. Андрей быть правъ; но какъ и во всемъ про-
чемъ, онъ не правъ тѣмъ, что по частному случаю дѣла-
етъ общіе выводы. Бенигсенъ, можетъ быть, дѣйствительно
болѣе мѣшалъ, нежели помогалъ; но Кутузовъ, Багратіонъ,
Ермоловъ, Раевскій—*не мѣшиали*. Въ этомъ и бѣда кн. Ан-
дрея, что когда ему нужно доказать, что распорядители
мѣшаютъ, а не помогаютъ, онъ выставляетъ Бенигсена, заб-
ывъ всѣхъ прочихъ; если нужно доказать, что способные
боевые люди разсѣяны или глупы, онъ, не прибавивъ даже
идь и *вѣдь чѣмъ* глупы, соплется на Багратіона, забывъ Ку-
тузова, Ермолова и т. д. „Успѣхъ никогда не зависѣть и
не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни
даже отъ числа; а ужъ меныше всего отъ позиціи.“

— А отъ чего же?

— Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ,—
онъ указалъ на Тимохина,—и въ каждомъ солдатѣ“. И ко-
торое находитъ поддержку въ позиціи, въ вооруженіи, въ
числѣ, въ распоряженіяхъ, прибавимъ отъ себя.

Кн. Андрей говорить совершенно вѣрю о роли, которую
играеть духъ войскъ въ успѣхѣ или неудачѣ боя.

Но онъ какъ бы не понимаетъ того, что нравственное
настроеніе, какъ сила высшая, слагается именно изъ всѣхъ
тѣхъ мелочей, которыя, по его мнѣнію, не имѣютъ къ ней
никакого отношенія. Всѣ эти мелочи (для кн. Андрея) от-
носятся къ нравственному настроенію, какъ причины къ
слѣдствію, или какъ силы составляющія—къ равнодѣйству-
ющей. Тѣ, которые судять объ этомъ дѣлѣ не поверхности,
не по первому впечатлѣнію, тѣ очень хорошо это понима-
ютъ: припомнимъ замѣчаніе Трошю на счетъ чрезвычайной
чувствительности нравственного настроенія. Ему и въ го-
лову не придется противополагать это настроеніе не только
такимъ дайнымъ, какъ вооруженіе, число, позиція, но даже
и такимъ, какъ избытокъ холода или тепла. Каждая изъ
этихъ силъ, сама по себѣ, можетъ иногда и не имѣть осо-
беннаго вліянія; но бѣда въ томъ, что онѣ порознь не хо-
дятъ, а дѣйствуютъ совмѣстно и современно. Солдатъ, са-
мый неразвитой, когда дѣло доходитъ до боя, жадно при-

слушивается ко всѣмъ толкамъ, которые ходятъ въ арміи,— это гр. Толстой подмѣтилъ весьма вѣрно въ своемъ приступѣ къ аустерлицкому бою. Солдатъ становится чрезвычайно воспріимчивъ къ этимъ толкамъ; если это такъ, то какимъ же чудомъ спасеть онъ свою самоувѣренность и бодрость, если, напр., узнаетъ, что у него оружіе хуже, чѣмъ у непріятеля, или что - нибудь въ этомъ родѣ? Мы согласны, что подъ Бородинымъ изъ всѣхъ этихъ составляющихъ самою сильною было то патріотическое раздраженіе, которое заставляло нашихъ видѣть во всякомъ французѣ личнаго врага; но изъ того, что это раздраженіе было преобладающею силой, вовсе не слѣдуетъ, чтобы значеніе другихъ силъ приводилось къ нулю. Не пріученный къ серьезному разбору фактovъ, расположенный обо всемъ дѣлать заключенія по первому непродуманному впечатлѣнію, кн. Андрей и здѣсь замѣтилъ только ту составляющую нравственнаго настроенія, которая рѣзко била въ глаза; и замѣтилъ тѣмъ легче, что это давало ему возможность своротить на свою любимую тему — ничтожества въ бою личностей руководящихъ. При большей привычкѣ ко всестороннему изслѣдованію фактovъ, онъ могъ бы сдѣлать изъ того, о которомъ толкуетъ, только одинъ выводъ: именно, что *нравственная сила въ данную минуту зависитъ преимущественно отъ той изъ составляющихъ, которая почему-либо на ту минуту приобрѣтаетъ преобладающее значеніе*. Съ этой точки преобладающею силой будетъ иногда разница въ вооруженіи, иногда разница въ побужденіяхъ, изъ-за которыхъ война ведется, и т. д. и т. д., до безконечности; а онъ думаетъ, что вѣрное относительно Бородина будетъ вѣрно и относительно всякаго другого столкновенія.

Мы не останавливаемся на разборѣ разсужденій кн. Андрея о необходимости не брать въ плѣнь, а убивать, на томъ основаніи, что отъ этого будто бы войны будутъ возникать только изъ-за основательныхъ причинъ; что „нравы военного сословія — отсутствіе свободы, т. - е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство“:

не останавливаемся потому, что это собственно и не разсуждения, а просто наборъ словъ, чтобы душу отвести. Для кн. Андрея все дѣло было въ личныхъ ощущеніяхъ; онъ самъ проговорился: „кто дошелъ до этого такъ, какъ я, тѣми же страданіями...“ Въ этомъ то все и дѣло, чтобы себя потѣшить, свою желчь поволновать: онъ лѣчить свое бобо. Кажется, не трудно бы замѣтить, что дисциплина дѣло неизбѣжное не только въ военномъ, но и въ общественномъ организмѣ: разница только въ степени и характерѣ, но не въ принципѣ; что праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство — не составляютъ отличительной принадлежности одного воинского организма, а процвѣтаютъ не меныше и виѣ его; но кн. Андрей этого не замѣтилъ, потому что очень ужъ разсердился: а когда человѣкъ разсердится, мало ли чего онъ не наговорить?

Теоретическая возрѣнія, принадлежащія собственно автору, носятъ на себѣ отпечатокъ односторонности, составляющей послѣдствіе сильной стороны его таланта, т. - е. способности живописать отдѣльныя явленія. Всякій живописецъ, для того, чтобы картина была вѣрина, *долженъ* рисовать ее съ одной точки. Если онъ строго соблюдетъ при этомъ отношеніе свѣта и тѣни, изображеніе выходитъ до того художественно, что даетъ возможность дополнить воображеніемъ то, что находится и за этой, *одной только*, представленной стороной. Какъ всякое вѣрное воплощеніе идеи, такое изображеніе проявляетъ ее *всю*, несмотря на то, что воспроизводить только одну ея строку. Отъ этого и происходитъ, что художественное произведеніе наводить иногда критика на такія мысли, которыя самому художнику, можетъ быть, и не приходили въ голову въ моментъ творчества.

Условія вѣрного воспроизведенія *) той же идеи не посредствомъ образовъ, а путемъ умозаключеній, совершенно иные: кто берется за подобную задачу, тотъ долженъ изслѣдоввать идею уже не съ одной какой - либо, а съ воз-

*) Въ этомъ случаѣ *воспроизведеніе* обращается уже въ *развитіе* идеи.

можно большаго числа сторонъ; иначе выводъ получится односторонній, чтобы не выразиться иначе. Понятно, что кто привыкъ работать въ сферѣ, требующей для выполненія задачи не сходить, такъ сказать, съ одной точки, тотъ, при малѣйшей оплошности, впадаетъ въ эту манеру и тамъ, гдѣ она совершенно перестаетъ соотвѣтствовать природѣ поставленной цѣли. Отъ этого и происходитъ, что большинство живописцевъ — плохіе философы, и наоборотъ: почти всѣ философы — плохіе живописцы, разумѣя, конечно, живопись словомъ. Первымъ трудно сдвинуться съ одной точки зрѣнія, вторымъ, напротивъ, невозможно установиться на одной точкѣ зрѣнія. Бываютъ исключенія *), но они до такой степени рѣдки, что за всю жизнь человѣчества ихъ считаютъ единицами.

Лучшее подтвержденіе сказанному — Гоголь: всякий знаетъ прощать, отдѣляющую первую часть его „Мертвыхъ Душъ“ отъ „Переписки съ Друзьями“. Сильный въ одномъ извѣстномъ направленіи, онъ потерпѣлъ полное фіаско, какъ только вздумалъ сойти съ этого направленія. Подобныя уклоненія не ограничиваются тѣмъ, что способный дать пре- восходные образы даетъ плохія отвлеченныя разсужденія; они ведутъ дальше, ибо отражаются впослѣдствіи и на художественности самихъ образовъ, которые авторъ стремится, можетъ быть, незавѣдомо для самого себя, вогнать въ мѣрку приводимыхъ имъ отвлеченныхъ воззрѣній. Никто, конечно, не поставитъ рядомъ у того же Гоголя хоть „добродѣтельнаго“, напр., откупщика Муразова, правоучительного Костанжогло съ любымъ изъ героевъ первой части „Мертвыхъ Душъ“.

То же случилось и съ гр. Толстымъ, хотя не въ такой степени, и не дай Богъ, конечно, чтобы оно когда-либо дошло до *такой* степени.

Въ IV части своего труда онъ нарушаетъ иногда художественную гармонію изображенія, чтобы подтвердить свои воззрѣнія на исторію и на военное дѣло.

*) Въ родѣ Гете.

Система его возврѣній, собственно историческихъ, приводится къ слѣдующему:

„Война — событие, противное человѣческому разуму и *всей* человѣческой природѣ; причины, которые выставляются историками войнъ 12 года, несостоятельны: „для пась понятно, чтобы миллионы людей - христіанъ убивали и мучили другъ - друга, потому что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра и герц. Ольденбургскій обиженъ. *Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ фактомъ убийства и насилия*“.

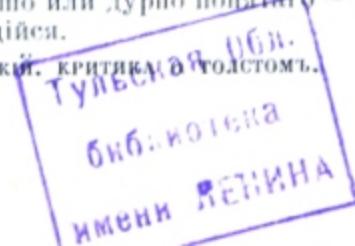
Отвѣтимъ на это, во-первыхъ, что война есть дѣло, противное *не всей человѣческой природѣ, а только одной сторонѣ этой природы*, — именно человѣческому инстинкту самоохраненія, что далеко не одно и то же. Въ человѣкѣ этой инстинкты играть весьма видную, но далеко не исключительную роль: такъ, въ порядочномъ человѣкѣ и въ порядочномъ народѣ онъ подчиняется чувству личного достоинства *), которое находитъ опору въ свойствахъ, столь же естественныхъ, какъ самосохраненіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ прямо ему противоположныхъ, — именно въ чувствѣ самоотверженія, отвагѣ, упорствѣ и т. п. Взять это въ расчетъ, односторонность положенія гр. Толстого открывается сама собою; онъ могъ сказать, что война противна человѣческому инстинкту самосохраненія — и только; но вовсе не противна *всей человѣческой природѣ и въ особенности разуму*.

Иногда она противна разуму, иногда итогъ зависитъ отъ того, *за что* войца ведется. Какъ сила, вершающая разумъ, она не подчиняется никакимъ узенькимъ нормочкамъ албунной морали.

Въ одномъ и томъ же, новидимому, дѣлѣ (но только по-видимому) онъ приходитъ иногда къ положительному решенію, иногда къ отрицательному: въ природѣ человѣческаго разума, и въ этомъ его превосходство надъ разумомъ звѣринъ, который въ данныхъ особыхъ *всегда* приводить

*.) Хорошо или дурно понятно — это совершенно другой вопросъ, сюда не относящийся.

в. зелинский, критика толстомъ.

къ одному и тому же выводу: заяцъ уступаетъ всегда; тигръ и левъ не уступаетъ никогда; баранъ не можетъ хитрить; лисица не можетъ не хитрить и т. д. Человѣкъ *можетъ* все это. Имѣя это въ виду, странно сказать, что война — дѣло, противное человѣческой природѣ; если бы это было такъ, то человѣкъ никогда бы и не воевалъ; между тѣмъ вся исторія показываетъ обратное: не только воюеть, но даже иногда изъ-за нелѣпыхъ побужденій воюеть. Можетъ быть, скажутъ, что это злоупотребленіе войною указываетъ на ея противоестественность; тогда нужно признать, что все существующее нелѣпо и противоестественно, ибо тѣмъ же нельзя злоупотреблять? Пусть вспомнятъ, изъ чего возникла инквизиція, что огонь грѣть и производить пожары; пусть вспомнятъ, что дѣлаютъ деньги и въ хорошую и въ дурную сторону,—и тогда едва ли будутъ опровергиваться на войну, какъ на „*противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событие*“.

Не менѣе странно и то положеніе, будто между фактами убийства и насилия, съ одной стороны, и между честолюбіемъ Наполеона, твердостью Александра и проч. (см. выше), съ другой—нѣть никакой связи, первое относится ко второму, какъ средство къ цѣли; нужно быть или желать быть сильно предубѣжденнымъ, чтобы не видѣть этой связи. Можно сказать только одно: эта связь затушевана авторомъ, благодаря ловкой антitezѣ между фактами убийства и насилия, съ одной стороны, и честолюбіемъ Наполеона и проч., съ другой. Но такъ чего не затушуешь? Переходя въ другую сферу, можно поставить, напр., такой вопросъ: что общаго между фактомъ убийства быка и свойствомъ человѣка утолять свой голодъ? Между жертвою известного числа рублей и необходимостью прикрыть тѣло отъ атмосферическихъ вліяній? Эти и имъ подобныя антitezы могутъ показать только нежеланіе видѣть связь тамъ, где она есть, но доказать онъ ничего не могутъ. Императоръ Александръ, благодаря своей твердости, ставить себѣ цѣлью не положить оружія, пока хотя одинъ непріятель останется на русской землѣ, и, какъ известно, онъ достигъ этой цѣли, bla-

годаря тому, что рѣшился пожертвовать сотнями тысячъ людей и временнымъ подрывомъ благосостоянія иѣсколькихъ губерній. Въ отношеніи ко всему народному организму это то-же самое, что дѣлаеть единичный человѣкъ, не только непосредственно отставая свое существованіе, но дѣлаеть на всякомъ своемъ шагу. Идете ли вы куда-нибудь, работаете ли, думаете ли—въ непосредственномъ результаѣ получается все та же потеря иѣкоторой массы частицъ вашего организма: это законъ физіологической, теперь всѣми признанной. Сказаный законъ совершенно строго и со всѣми послѣдствіями примѣняется и къ тѣмъ болынимъ организмамъ, которые называются народами. Если народъ нуждается въ достижениѣ какой бы то ни было цѣли, важной для его существованія, онъ долженъ пожертвовать для ея достижениѣ извѣстной массой личныхъ и материальныхъ частицъ своего собственнаго организма. Если между этой жертвой и цѣлью, для которой она приносится, нѣть никакой связи, то должно, вмѣсть съ тѣмъ, признать, что вообще нѣть никакой связи между любой жертвой со стороны человѣка и цѣлью, для достижениѣ которой онъ рѣшается на эту жертву.

Далѣе авторъ „Войны и Мира“, разбирая причины войны 12 года, выставляемыя историками, находить ихъ далеко недостаточными и потому ложными. Логическій скачокъ: ибо изъ того, что *не все* сказано, не слѣдуетъ вовсе, будто *то, что сказано*, ложно. Рядомъ съ признанными причинами и поводами—то и другое авторъ, къ сожалѣнію, смышиваетъ—авторъ выставляетъ свои, совершенно не имѣющія никакого основанія, хотя кажущіяся ему столь же основательными, какъ причины историковъ.

„Такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герц. Ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе первого французского капрала поступить на вторичную службу: ибо *если* бы онъ не захотѣлъ итти на вторичную службу и *не захотѣлъ* бы другой и третій и тысячный капраль и солдатъ,

на столько менѣе людей *было бы* въ войскѣ Наполеона, и войны *не могло бы* быть (!)“.

Эта причина, для постановки которой автору понадобился такой огромный запасъ условной частицы „бы“, имѣть одинъ коренной недостатокъ: выставляемы историками причины и поводы были дѣйствительно, а эта только могла бы быть, по мнѣнію автора, но въ дѣйствительности не была. Факта, если онъ существуетъ или существовалъ, не собышь никакими доводами или предположеніями. Какъ бы краснорѣчиво авторъ не доказывалъ, что могло *бы* быть, но если того дѣйствительно никогда не было, чего ему хочется, то, слѣдовательно, и не могло быть. Пусть онъ укажетъ во всей исторіи хоть одинъ примѣръ того, чтобы война не состоялась изъ-за нежеланія солдатъ ити на службу, и тогда мы помиримся съ его гипотезой. Но онъ не найдетъ такого примѣра и не можетъ найти, ибо подобный случай противорѣчить существеннымъ условіямъ организческой жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ опять организмъ, аналогичный народному во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, но попроще: именно организмъ единичнаго человѣка. Что сказалъ бы самъ авторъ „Войны и Мира“, если бы кто-нибудь, разбирая причины драки двухъ человѣкъ между собою, держалъ примѣрно слѣдующую рѣчь: говорить, будто поводомъ къ дракѣ былъ лукъ Ивана, который захотѣлось имѣть Петру; будто между ними и прежде уже происходили такія-то и такія-то столкновенія,— все это вздоръ. Такой же причиной, какъ желаніе имѣть лукъ и нежеланіе отдать его, представляется намъ и желаніе или нежеланіе первого атома въ рукѣ Петра участвовать въ дракѣ; ибо ежели бы этотъ атомъ не захотѣлъ въ ней участвовать и не захотѣлъ бы другой, третій и тысячітній атомъ,—драки могло бы и не быть... Въ организмѣ живомъ и здоровомъ,—большой ли онъ, малый ли—все равно,—всякий отдаленный атомъ *не можетъ* не хотѣть того, чего хочетъ та высшая сила въ организмѣ, которая и дѣлаетъ его организмомъ, и безъ которой онъ есть не болѣе, какъ безжизненная куча безучастныхъ другъ къ другу

частицъ. Самъ авторъ признаетъ, что Наполеонъ творилъ не столько свою волю, сколько волю того организма, кото-
раго былъ представителемъ, и мы совершенно съ этимъ
согласны *); какъ же онъ, постѣ этого допускаетъ, что
части, взятыя отдельно, могли бы хотѣть совсѣмъ не того,
чего хочется цѣлому?

Когда читаешь это мѣсто „Войны и Мира“, такъ ожи-
даешь, что авторъ, отвергнувъ причины, по его мнѣнію, не-
состоятельныя, поставить на мѣсто ихъ причины событія,
кажущіяся ему дѣйствительными, и каково же удивленіе
читателя, когда онъ открываетъ, что автору хотѣлось только
сказать, будто „ничто не было исключительной причиной
событія, а событіе должно было совершиться только по-
тому, что оно должно было совершиться“.

Во-первыхъ, мы и не знаемъ историка, который бы оста-
навливавался на какой-либо одной *исключительной* причинѣ;
всѣ они признаютъ *совокупность* причинъ, слѣдовательно въ
этомъ случаѣ почтенный авторъ спорить съ мнимымъ исто-
рикомъ; во-вторыхъ, изъ того, что не одна какая-либо при-
чина произвела известное событіе, вовсе не слѣдуетъ, что-
бы ему вовсе не было причинъ, или, какъ говорить авторъ,
что оно должно было совершиться потому, что должно было
совершиться.

Мы полагаемъ, что самое неудовлетворительное объясне-
ніе причинъ даннаго событія стоитъ выше этого „должно“;
потому выше, что оно удовлетворяетъ присущей человѣче-
скому уму потребности доказывать причины *всему* проис-
ходящему. Эта дурная привычка служить лучшимъ дока-
зательствомъ того, что на мѣсто причинъ нельзя поставить
непостижимое „должно“, которое ничего не поясняетъ, и
отрицаѣтъ какую бы то ни было причину; нельзя потому,
что если бы не было причинности въ явленіяхъ и событі-

*.) Машинистъ тоже подчиняется силѣ пара, и *именно потому* онъ мо-
жетъ дать машинѣ и скорый, и медленный, и даже понятный ходъ. И что-
то же самое случается и съ народами, въ нѣкоторыя эпохи жизни ихъ.—
Ясное доказательство представляется современная Франція: есть и понятный
ходъ и выпускъ пара въ случаѣ надобности, въ образѣ мексиканскихъ и
другихъ экспедицій...

яхъ, не могло бы быть и стремленија къ изысканію причинъ въ человѣческомъ умѣ. Съ этой точки даже поясненіе грома тѣмъ, напримѣръ, что Илья пророкъ по небу Ѳздитъ, стоять, по нашему мнѣнію, неизмѣримо выше такого объясненія, что громъ гремитъ потому, что онъ долженъ гремѣть. Придетъ время—и вмѣсто Ильи пророка, станеть электричество, вмѣсто электричества—что-либо другое, еще болѣе рациональное и уширяющее воззрѣнія на феноменъ природы; но изъ-за „должно“ никогда и ничего для развитія ума человѣческаго не придетъ: это доказывается цѣлыми эпохами, въ которыхъ подъ всевозможныя явленія подкладывали это давно известное „должно“.

Ставь на эту путь, авторъ, въ силу отличительной черты своего таланта—смотрѣть съ одной точки на изображаемое или разбираемое—понять весьма далеко; именно до того, что задался вопросомъ, „когда созрѣло яблоко и падаетъ,—отчего оно падаетъ? Оттого ли, что тяготѣть къ землѣ, оттого ли, что засыхаетъ стержень, оттого ли, что сушится солнцемъ, что тяжелѣть, что вѣтеръ стрясетъ его, оттою ли, что стоящему внизу мальчику хочется сѣсть его?“

Автору кажется, что все это—причины равносильныя, въ томъ числѣ и послѣдняя. Мы же выводимъ изъ этого примѣра совершенно другое: именно то, какъ пріятно читать талантливаго человѣка, который, если станеть на ошибочную точку зрѣнія, то уже не остановится передъ послѣдствіями, и разовьетъ свой тезисъ до того, что предвзятая односторонность его станетъ ясна для всякаго.

Историческія свои воззрѣнія авторъ выдѣлилъ въ особыя главы, и потому односторонность ихъ бросается въ глаза сразу. Не то вышло съ военными воззрѣніями; эти послѣднія проводятся у него какъ бы вскользь, по дорогѣ, подъ прикрытиемъ мастерски, но тенденціозно представленныхъ фактovъ. Отъ этого военные взгляды автора не только не поражаютъ сразу односторонностью, а напротивъ, являются для не подготовленнаго и предварительно закупленнаго мастерской критикой читателя какъ бы естественнымъ выводомъ, вытекающимъ изъ этой критики.

Образчикъ этой манеры мы уже видѣли въ разсужденіяхъ кн. Андрея, помѣщенныхъ вслѣдь за изображеніемъ неурядицы Дрисскаго военнаго совѣта. Подготавливъ читателя описаніемъ этой неурядицы, авторъ пускаетъ вслѣдь затѣмъ кн. Андрея съ его монологомъ противъ теоріи военнаго дѣла и противъ возможности военнаго генія, несмотря на то, что между неурядицей какого бы то ни было военнаго совѣта, не имѣющаго руководителя, и сказанными предметами нѣть ничего общаго.

Этой же манеры авторъ держится и въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ провести отъ себя какіе-либо военные взгляды сомнительного свойства. Открыть это сомнительное свойство взглядовъ не трудно, ибо почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ такъ проговаривается, что внимательному читателю даетъ самъ противъ себя опроверженіе: явленіе—почти непрѣблжное во всякомъ поэтическомъ произведеніи, направленномъ къ оправданію теоретическихъ воззрѣній автора, а не къ художественной правдѣ въ изображеніи фактовъ. Возьмемъ, наприм., атаку Ростова *). Начинается съ того, что „Ростовъ, своимъ зоркимъ охотничымъ глазомъ, одинъ изъ первыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгунъ, преслѣдующихъ нашихъ уланъ“. Вотъ они близятся больше и больше; Ростовъ „чутьемъ чувствовалъ, что ежели ударить теперь съ гусарами на французскихъ драгунъ, они не устоятъ; но ежели ударить, то надо было сейчасъ, сюю минуту, иначе будетъ поздно“. Тотъ же Ростовъ высказываетъ совершенно опредѣлительно своему товарищу эту самую мысль, и вслѣдь за тѣмъ бросается въ атаку. Кажется, все это показываетъ совершенно ясно, что Ростовъ рѣшился на атаку далеко не зря, хотя и быстро: процессъ чувственной и духовной работы, неизбѣжной при всякой атакѣ, тутъ совершенно ясенъ; всѣ моменты этой работы (увидѣть, обсудить, рѣшиТЬся, исполнить рѣшимость) на лицо. Но автору нужно свернуть на свою любимую тему, что все дѣлается само собою,—и вотъ онъ отъ

*) См. т. IV, гл. XV, стр. 78.

только что высказанныхъ мыслей прямо переходить къ тому, будто „Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая“! Неужели же авторъ, являющійся такимъ тонкимъ наблюдателемъ психическихъ процессовъ, иногда самыхъ мимолетныхъ, могъ не замѣтить этого грубаго противорѣчія между началомъ и концомъ одной и той же страницы? Неужели онъ разсчитывалъ только на такихъ читателей, которые, добравшись до конца страницы, даже разгноисто напечатанной, забываютъ ея начало? Неужели, наконецъ, авторъ не признаетъ, что то, что дѣлается быстро и какъ-бы по инстинкту, предшествуется полнымъ психическимъ процессомъ наблюденія, соображенія и рѣшенія, который происходитъ мгновенно, но все же происходитъ? Мы не сомнѣваемся ни сколько, что вышеприведенные строки и не нашли бы мѣста въ его описаніи, если бы не стремленіе исподволь подготовить читателя къ тѣмъ умствованіямъ, въ силу которыхъ выходитъ, что человѣкъ никогда самъ не знаетъ, что дѣлаетъ; что онъ не болѣе, какъ марionетка въ чьихъ-то рукахъ, и что всему происходящему *ничто не причина*.

Въ началѣ второй части IV тома авторъ идетъ еще дальше: онъ открываетъ, что Ростовъ поскакать въ атаку только потому, будто бы, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакаться по ровному полю! Можно подумать, что авторъ, когда онъ писалъ эту фразу, и самъ забылъ о написанномъ выше: обстоятельство—свидѣтельствующее столько же въ пользу искренности, сколько и въ пользу силы односторонняго увлеченія автора. Далѣе подобныя противорѣчія встречаются не только на одной страницѣ, но иногда даже въ одной фразѣ. Такъ, въ сценѣ доклада дежурнаго генерала Кутузову, послѣдній безразлично слушалъ, что ему говорили Денисовъ и потомъ дежурный генераль. Изъ этого выводится слѣдующее положеніе: „Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выражалъ Денисовъ; но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ“ (потому что онъ не старался

выказывать ихъ *), а онъ презиралъ ихъ чѣмъ-то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своей старостью, своей опытностью жизни*. Мы позволимъ себѣ вопросъ: что составляетъ опытность: масса ли фактовъ, накопившаяся за долгую жизнь, или же выводы, которые умъ сдѣлалъ изъ этихъ фактовъ, и которые одни только могутъ служить руководящимъ началомъ для поведенія въ будущемъ? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ: *именно совокупность выводовъ, сдѣланныхъ умомъ изъ фактовъ, составляетъ опытность*, и есть то плодотворное знаніе, которое можетъ пригодиться и въ будущемъ. Знаніе только факта—безплодно: это будетъ опытность мула принципа Евгения, который, сдѣлавъ десять кампаний, не сталъ отъ этого опытнѣе и свѣдущѣе въ военномъ дѣлѣ **). Если это такъ, то и окажется, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ—не умомъ, не знаніемъ, а чѣмъ-то другимъ, именно тѣмъ же знаніемъ и умомъ! Кутузовъ принималъ очень хладнокровно многое такое, изъ-за чего другіе сильно горячились, вовсе не по прерѣнію къ уму и знанію, а по своему превосходству въ умѣ и знаніи надъ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Мы не говоримъ уже о томъ, что роль главнокомандующаго принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, въ которыхъ нужно быть весьма осторожнымъ во вѣнчанихъ проявленіяхъ согласія или несогласія съ чужими мнѣніями, удовольствія или неудовольствія; изъ тѣхъ ролей, къ которымъ болѣе всего примѣнится поговорка: десять разъ примѣрь, одинъ отрѣзъ.

При дальнѣйшемъ развитіи этой же самой сцены, уже между кн. Андреемъ и Кутузовымъ, оказывается, что послѣдній обладалъ именно этой способностью не увлекаться, т. - е. спокойно созерцать события, которыхъ кн. Андрею ка-

*) Неужели же гр. Толстой полагаетъ, что кто обладаетъ умомъ и знаніемъ, тотъ ужъ долженъ всякую минуту думать о томъ, чтобы стараться ихъ выказывать? Это въ характерѣ личностей тицеславныхъ и пустыхъ, въ роляхъ кн. Андрея, но отнюдь не въ характерѣ людей, въ роли Кутузова, которымъ есть дѣла поважнѣе постоянной мысли о томъ, чтобы пѣнить согражданъ и согражданокъ блистательными качествами своей персоны.

**) Извѣстное выраженіе Фридриха Великаго.

зались презрѣніемъ къ тому, что Кутузову докладывали. „У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, думалъ кн. Андрей, но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставить на свое мѣсто, ничему полезному не помышляетъ и ничего вреднаго не позволить“.

Нельзя лучше очертить то, что требуется отъ полководца: приведенная фраза почти изъ слова въ слово есть повтореніе мысли Наполеона о томъ же предметѣ *). Въ штабахъ, подобныхъ тому, который получилъ Кутузовъ, всегда находится бездна совѣтниковъ, и званыхъ и незваныхъ; если отъ этого нельзя избавиться, остается одно: знать кого слушать, кого не слушать; Кутузовъ самъ ничего не придумывалъ, положимъ; но онъ выбиралъ кого слушать, кого не слушать, слѣдовательно, онъ быть главнымъ дѣятелемъ: въ практикѣ идея принадлежитъ не тому, кто первый ее высказать, но тому, кто береть на себя рѣшимость ее осуществить, съ ответственностью за послѣдствія осуществленія.

Вдругъ, вслѣдъ за этой фразой, наталкиваемся на другую, совершенно непостижимую: „Онъ (Кутузовъ) понимаетъ, что есть что-то значительное и сильное его воли,— это неизбѣжный ходъ событий, и онъ умѣеть видѣть ихъ, умѣеть понимать ихъ значеніе, и, въ виду этого значенія, умѣеть отрекаться отъ участія въ этихъ событияхъ отъ своей воли, направленной на другое?“

Какимъ образомъ человѣкъ, свободный въ выборѣ любаго изъ дѣлаемыхъ ему предложеній, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отречься отъ участія въ событияхъ, получающихъ то или другое направленіе, именно въ зависимости отъ того,

*) Первое качество генерала—обладать спокойной головой (*tête froide*), которая принимаетъ вѣрныя представленія предметовъ, никогда не разгорается, никогда не отуманивается ни отъ хорошихъ ни отъ дурныхъ вѣстей; въ которой послѣдовательныя или одновременные впечатлѣнія распредѣляются соотвѣтственно ихъ важности и занимаютъ не болѣе, какъ столько мѣста, сколько они заслуживаютъ; ибо здравый смыслъ, разсужденіе—составляетъ результатъ сравненія многихъ ощущеній (*sensations*), принятыхъ въ равномѣрное соображеніе. *Mémoires pour servir à l'histoire de Napoleon.* Т. V. Замѣчанія на кампанію 1757 г.

что этот человѣкъ выбираетъ — отказывается понять, да едва ли и кто бы то ни было понять возьмется.

Бородинское сраженіе въ особенности дало случай автору обнаружить и блестательныя стороны своего изобразительнаго таланта и односторонность теоретическихъ воззрѣй. Сцены у Бородина на батареѣ Раевскаго переданы съ большими мастерствомъ. Даже мнѣніе автора, что позицію предполагается сначала занять по Колочѣ, до самаго Шевардина, заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія; тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вѣрности взгляда (но не вывода), гр. Толстой рѣдко ошибается. Мы положительно склоняемся въ пользу мнѣнія его о томъ, что первоначально въ мысли верховныхъ руководителей нашей арміи было принять бой, прикрывая позицію Колочей на всемъ протяженіи: склоняясь потому, въ особенности, что съ прінятіемъ его мнѣніе, неразъясненное до сихъ поръ въ нашемъ расположении, совершенно осмысливается. Дѣйствительно: укрѣпленіе на правомъ флангѣ, надъ которымъ столько потѣшились, какъ надъ построеннымъ будто-бы горжей къ непріятелю, слишкомъ сильное занятіе части позиціи съвериѣ новой Смоленской дороги, оставленіе безъ вниманія старой Смоленской дороги — все это вытекаетъ, какъ совершенно логическое слѣдствіе расположения вдоль по Колочѣ, т.-е. подъ острымъ угломъ къ новой Смоленской дорогѣ. При подобномъ расположеніи могли опасаться, что Наполеонъ атакуетъ наше правое крыло, потому что правый флангъ нашъ былъ гораздо ближе къ пути отступленія, чѣмъ лѣвый — у Шевардина; слѣдовательно, опрокинувъ его, Наполеонъ затруднилъ бы наше болѣе, чѣмъ дѣйствуя противъ лѣваго фланга. При томъ же Колоча въ этомъ мѣстѣ представлять, судя по плану, приложенному къ сочиненію Г. Л. Богдановича, иѣсколько удобныхъ переходовъ, и лѣвый ея берегъ (т.-е. занятый французами) во многихъ мѣстахъ командуетъ правымъ *); слѣдовательно, фактическое препятствіе, представляемое Колочею, могли считать

*). Опять судя по плану. Въ описаніи сказано, что правый на всемъ протяженіи командуетъ лѣвымъ.

не довольно сильнымъ, чтобы заставить Наполеона отказаться отъ попытки поставить нась стратегически въ невыгодное положеніе, угрожая отрѣзать, въ случаѣ удачной атаки, отъ пути нашего отступленія. Если къ этому взять въ разсчетъ, что тогда стратегическая сторона боевыхъ комбинацій начинала входить въ моду, съ легкой руки Жомини; что отъ Наполеона ожидали самыхъ невѣроятныхъ предпріятій и ударовъ, — то особенное вниманіе, которое было обращено на правый флангъ позиціи, станетъ понятно, именно при томъ условіи, если лѣвый ея флангъ былъ въ Шевардинѣ. Это и выразилось расположениемъ на правомъ крылѣ и значительного числа войскъ и укрѣплѣнія, самаго сильнаго, судя по плану, изъ тѣхъ, которая предположено было возвести на позиціи. Принимая лѣвый флангъ позиціи у Шевардина, оказывается, что помянутое укрѣпленіе вовсе не было обращено горжею къ непріятелю, а составляло только загибъ крайняго праваго фланга. Что, по всей вѣроятности, и Наполеонъ не имѣть первоначально намѣренія ити на нашъ лѣвый флангъ, доказывается тѣмъ, что главныя его силы свернули съ новой Смоленской дороги и стали переправляться черезъ Колочу только тогда, когда наши стрѣлки, расположенные у Алексина, по сю сторону Колочи, открыли огонь во флангъ французскимъ колоннамъ, шедшимъ отъ Валуева къ Бородину. Донесенія нѣкоторыхъ дѣятелей, прямо называвшихъ Шевардинъ лѣвымъ флангомъ позиціи, свидѣтельствуютъ также въ пользу предположенія гр. Толстого. Впрочемъ, соглашаясь съ основательностью этой гипотезы, нельзя не признать и того, что, принять ее, въ разборѣ сраженія придется сдѣлать весьма ничтожную перемѣну: придется назвать Шевардинское дѣло не боемъ у передового пункта, а первымъ днемъ Бородинского сраженія...

(Далѣе на 20 страницахъ слѣдуетъ анализъ М. Драгомирова мнѣній, взглядовъ и выводовъ Толстого по отношенію къ Бородинской битвѣ).

M. Драгомировъ.